

Впрочемъ, надо, конечно, признать, что составленіе полнаго предметнаго указателя къ такому громадному изданію, каково изданіе г. Оедотова-Чеховскаго, дѣло слишкомъ трудное.

Своею краткою замѣткою мы далеко не исчерпали, конечно, массы новыхъ, нерѣдко въ высшей степени интересныхъ данныхъ по исторіи права, бытовой и исторіи языка, какую даютъ эти акты, къ сожалѣнію, такъ долго остававшіеся почти неизвѣстными въ учебномъ мірѣ. Мы не сомнѣваемся, что очень многіе поспѣшатъ познакомиться съ этимъ прекраснымъ собраніемъ, и вполне убѣждены, что никто не поскучаетъ, изучая его, и что изъ этого сборника въ новыя изслѣдованія будетъ внесено не мало матеріала.

Н. Чечулинъ.

П. Лейкфельдъ. Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Харьковъ. 1890.

Сначала поговоримъ о внѣшней сторонѣ этого сочиненія. Вполнѣ нормальная, такъ-сказать, книга состоитъ изъ оглавленія, предисловія, введенія и самой книги, раздѣленной на главы. Оглавленіе дѣлается для удобства читателя, чтобы ему легче ориентироваться и сразу знать, чего читать не нужно; поэтому весьма неприятно, когда вмѣсто оглавленія вы видите, какъ, напримѣръ, въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали, простое обозначеніе: глава I, глава II и т. д., безъ указанія содержанія; особенно неприятно это критику, ибо обязываетъ его прочесть всю книгу. Во введеніи обыкновенно говорятъ о тѣхъ принципахъ, которыхъ держится авторъ, о значеніи самаго предмета и т. д. Наконецъ, предисловіе предоставляется субъективному элементу; въ немъ авторъ можетъ свободно объяснять, почему сочиненіе появляется такъ поздно въ свѣтъ, и сожалѣть о людяхъ, долженствовавшихъ столько тысячелѣтій обходиться безъ его книги. Г. Лейкфельдъ соединилъ предисловіе и введеніе, изъ чего получилось краткое, но характерное заявленіе слѣдующаго содержанія: во первыхъ, цѣль труда авторъ опредѣляетъ такъ: онъ хочетъ сказать „нѣсколько словъ“ (то-есть, 387 страницъ) въ защиту формальной логики; во вторыхъ, литература, которою онъ пользовался, „отличается, быть можетъ, нѣсколько случайнымъ характеромъ“. Это—правдивое, но грустное заявленіе, ибо если авторъ выбралъ не важнѣйшія сочиненія по логикѣ, то кто же поручится, что онъ не упустилъ нѣкоторыхъ логическихъ направленій? Въ подтвержденіе же правдивости г. Лейкфельда могу при-
часть сслххх, отд. 2.

вести слѣдующее: онъ приводитъ многихъ русскихъ авторовъ, писавшихъ по логикѣ,—Борзцовскаго, Додаева-Магарскаго, Лодія и другихъ знаменитостей, но не приводитъ единственнаго вполне оригинальнаго и замѣчательнаго русскаго сочиненія по логикѣ—„Классификаціи выводовъ“ г. Каринскаго; и это тѣмъ болѣе странно, что сочиненіе г. Рутковскаго „Основные типы умозаключеній“ приведено. Всякій безпристрастный критикъ скажетъ, что книга г. Рутковскаго не вполне можетъ замѣнить книгу г. Каринскаго, хотя въ ней и повторяются мысли г. Каринскаго; такъ, повидимому, рассудилъ и Казанскій университетъ, признавшій въ 1888 году г. Рутковскаго магистромъ, въ то время какъ г. Каринскій за тѣ же мысли въ 1880 году въ Петербургѣ былъ признанъ докторомъ философіи. Встрѣтыхъ, г. Лейкфельдъ обращаетъ „вниманіе читателя на то, что въ книгѣ крупный шрифтъ часто смѣняется болѣе мелкимъ“, и даетъ читателю разрѣшеніе не читать мелкаго. Читатель, конечно, поблагодаритъ г. Лейкфельда за такой либеральный образъ мыслей и пожалѣетъ лишь, что не получилъ разрѣшенія не читать и крупнаго шрифта. Но довольно о внѣшней сторонѣ.

Книга распадается на семь главъ; въ первой авторъ говоритъ, что онъ хочетъ „опредѣлить основныя задачи науки логики“. „Впрочемъ“, говоритъ онъ, „мы не будемъ подвергать подробному критическому разбору тѣ взгляды, тѣ, быть можетъ иногда и, такъ-сказать, сильныя теченія въ исторіи нашей науки, которыя сами говорятъ противъ себя“. Къ такимъ „быть можетъ, и такъ-сказать сильнымъ теченіямъ, говорящимъ противъ себя“, авторъ относитъ сочиненія, смотрящія на логику, какъ на искусство, и, не смотря на обѣщаніе умолчать о нихъ, довольно подробно о нихъ трактуетъ. Далѣе говорится, что логика не есть ни грамматика, ни риторика, ни эристика,—и на этомъ первая глава неожиданно прерывается. Прочтя первую главу, мы поняли, почему авторъ не далъ обозначенія содержанія своимъ главамъ, ибо первую главу пришлось бы назвать такъ: „Аристотелевская топка (о ней трактуетъ болѣе всего) или о тѣхъ, быть можетъ, иногда и, такъ-сказать, сильнѣйшихъ теченіяхъ“, но тогда оглавленіе напоминало бы оглавленіе Диккенсовскаго романа.

Въ слѣдующихъ главахъ авторъ трактуетъ о формальной, метафизической, индуктивной и математической логикахъ, признавая эти направленія основными.

Перечисленіе основныхъ направленій, указаніе ихъ характерныхъ

особенностей и историческія замѣчанія имѣютъ, конечно, значеніе, и читатели могли бы быть благодарны г. Лейкфельду, еслибы онъ принялся за подобную задачу и рѣшилъ ее, но не такъ, какъ онъ это, въ дѣйствительности, сдѣлалъ: у нашего автора перечисленіе литературы, указаніе содержанія самыхъ различныхъ книгъ ведется одновременно съ характеристикой направленія, такъ что вмѣсто ясной картины читатель получаетъ впечатлѣніе какого-то никому не нужнаго плетенія, которое можно гдѣ угодно прервать, но можно бы вести и до бесконечности. Во второй главѣ говорится о формальной логикѣ, которая подраздѣляется на два направленія: формальное направленіе въ тѣсномъ смыслѣ, изслѣдующее формы правильного мышленія, и „формальное направленіе въ болѣе широкомъ смыслѣ, которое имѣетъ предметомъ своего изученія формы, при которыхъ мысль человѣка правильна не только въ отношеніи формальному, но и по своему содержанію“ (ст. 27) сдѣлавъ это различіе, г. Лейкфельдъ всю вторую главу посвящаетъ перечисленію авторовъ (и ихъ мнѣній), принадлежащихъ къ формальной логикѣ, въ болѣе широкомъ значеніи. Нѣтъ дѣла болѣе бесполезнаго, чѣмъ подобное перечисленіе, ибо оно не можетъ быть полнымъ: легко г. Лейкфельду назвать имена, которыхъ онъ не упомянулъ; да и не зачѣмъ гнаться за полнотою именъ и мнѣній: нужно выбрать типичныхъ представителей и подвергнуть анализу ихъ мнѣнія; этого г. Лейкфельдъ не сдѣлалъ, поэтому глава вторая кончается весьма неожиданно для читателя, хотя онъ при этомъ, конечно, испытываетъ значительное чувство облегченія. Глава третья перечисляетъ приверженцевъ формальной логики въ тѣсномъ смыслѣ: многія имена красуются здѣсь неизвѣстно для чего, наприкладъ, о двухъ г. Лейкфельдъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Приверженцами интересующаго насъ направленія является K. V. Stoу и Ign. Рокагпу. Оба они, впрочемъ, высказываются довольно неопредѣленно“ (ст. 59). Отчего бы ихъ не помѣстить въ мелкій шрифтъ, чтеніе котораго не обязательно? Въ этой же главѣ мы впервые встрѣчаемся и съ разсужденіемъ философскаго характера объ отношеніи указанныхъ двухъ направленій формальной логики между собою. Вотъ какъ представляетъ себѣ это отношеніе г. Лейкфельдъ: послѣдователи двухъ разсматриваемыхъ направленій выставляютъ при обсужденіи логическихъ формъ не одинаковый критерій нормальности. Первое направленіе, то-есть, формальная логика въ болѣе широкомъ смыслѣ, считаетъ критеріемъ истинности согласіе мысли съ ея объектомъ, въ то время, какъ формальная логика въ тѣсномъ смыслѣ кри-

теріемъ истинности признаетъ согласіе мысли съ собою. Первый критерій г. Лейкфельду кажется не нуждающимся въ анализѣ, поэтому-то онъ всѣ свои критическія усилія направляетъ на второй критерій, „ибо онъ не остается вѣрнѣе обыкновенному понятію объ истинности“ (ст. 66). Формальная истинность или правильность зависитъ отъ необходимыхъ законовъ мысли, именно тождества, противорѣчія и др. Рѣшившись уничтожить понятіе формальной истины, г. Лейкфельдъ говоритъ: „Названные законы—законы логическіе и, какъ таковыя, они могутъ быть установлены только тогда, когда мы уже напередъ условились, какого рода формы мысли считать нормальными и какія—не нормальными, когда мы уже извѣстный критерій нормальности и ненормальности приняли. Законы эти предполагаютъ критерій, а не опредѣляютъ, не выясняютъ его“ (ст. 75). Названные законы, конечно, суть логическіе въ томъ смыслѣ, что разсмотрѣніемъ ихъ занимается логика, но сами по себѣ они суть условія мышленія, и могутъ имѣть силу и значеніе, хотя бы мы вовсе и не условливались ни о чемъ, подобно тому, какъ и законы природы дѣйствуютъ независимо отъ того, знаемъ ли мы объ ихъ существованіи, или нѣтъ. Критерій истинности формальной логики, въ тѣсномъ смыслѣ, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи не истинностью, а послѣдовательностью; но послѣдовательность не гарантируетъ истинности. „Если мысль не послѣдовательна, — это вѣрный признакъ ея неистинности; но если она послѣдовательна, — это еще не доказываетъ ея истинности“. Послѣдовательность есть только отрицательный критерій, къ которому нужно еще искать положительный объективный критерій. Такимъ образомъ, оказывается, что формальная логика въ тѣсномъ смыслѣ есть часть формальной логики въ обширномъ смыслѣ. И цѣли обоихъ направленій не безусловно различны. Разсужденіе и добытые результаты представились бы г. Лейкфельду въ иномъ свѣтѣ, еслибы онъ анализировалъ общепринятое понятіе объ истинѣ: утвержденіе, что истина состоитъ въ согласіи мысли съ ея объектомъ, обозначаетъ возможность тождества мысли и бытія и есть метафизическое ученіе; формальная логика въ широкомъ значеніи, желая удержать свою позицію, становится метафизическою логикой и, перестаетъ быть формальною, или же она пользуется принципомъ, котораго значеніе не желаетъ понять. Формальная логика въ тѣсномъ значеніи слова, желая ограничить свой предметъ, исключаетъ совершенно разсужденіе объ объектѣ и о томъ, какъ относится познаніе къ предмету его; она говоритъ о формальной истинѣ, ибо не знаетъ, чѣмъ можетъ

быть „материальная истина“. Такимъ образомъ, формальная логика въ тѣсномъ смыслѣ, или, по-просту говоря, логика *toto genere* различна отъ формальной логики въ широкомъ значеніи, или, по-просту говоря, отъ теоріи познанія и отнюдь не составляетъ части послѣдней. Мы не говоримъ уже о томъ, что, сведя вопросъ о различіи двухъ формальныхъ направленій логики, къ различію критерія истинности, г. Лейбфельдъ очень сгузилъ вопросъ.

Въ IV-й главѣ разсматривается метафизическая логика. Характеристика этого направленія у нашего автора чрезвычайно кратка: это направленіе вноситъ въ логику метафизическій элементъ, или же утверждаетъ тожество логическихъ и метафизическихъ принциповъ. Въ чемъ состоитъ метафизическій элементъ и метафизическіе принципы, это, какъ дѣло само собой разумѣющееся, авторомъ не разсматривается. Слѣдуетъ пространное перечисленіе приверженцевъ метафизической логики (съ 94 до 127 стр.), а затѣмъ пространное и просто странное разсужденіе объ отношеніи формальной логики къ метафизической. Мысль, которую авторъ здѣсь доказываетъ, чрезвычайно проста, а именно,—что никакой метафизической логики нѣтъ, а она есть лишь та же формальная логика (ст. 141), конечно, съ маленькимъ добавленіемъ. Эту мысль авторъ доказываетъ тѣмъ, что логика есть логика, а метафизика—метафизика, и послѣдняя на первую никакого вліянія не оказываетъ (ст. 139). Эта мысль (если это есть мысль) кажется автору столь трудной, что онъ неоднократно приглашаетъ читателя смотрѣть выше (ст. 136), оглянуться назадъ (ст. 140), пойдти далѣе (ст. 129), остановиться и т. д. Исполнивъ всѣ эти предписанія, мы никакихъ другихъ мыслей, кромѣ вышеприведенной, не нашли, если не считать различенія метафизическаго направленія на умѣренную метафизическую логику (ст. 118) и на неумѣренную. Здѣсь дѣйствительно можно остановиться и оглянуться: авторъ нашъ разобралъ четыре направленія: одно узкое, другое широкое, третье умѣренное и четвертое неумѣренное,—и всѣ они оказались однимъ и тѣмъ же. Вотъ чудеса! Если мы до сихъ поръ и не могли почерпнуть особенно глубокихъ мыслей изъ этого сочиненія, то все-же чтеніе нельзя назвать вполне бесполезнымъ: мы узнаемъ, что слово „далѣе“ составляетъ цѣлое предложеніе, ибо авторъ послѣ него регулярно ставитъ точку (см. стр. 289, 145, 304, 70, 137 и др.); странно лишь, почему онъ не ставитъ также точки послѣ „ибо“, а только передъ нимъ (напримѣръ: „Ибо, мы уже говорили, такого пониманія, во всякомъ случаѣ, приходится до извѣст-

ной степени придерживаться“, ст. 70; также см. ст. 330). Въ V-й главѣ говорится объ индуктивной логикѣ; сущность ея опредѣляется слѣдующимъ способомъ: „Здѣсь (?) трактуютъ о томъ, какъ построить индуктивные выводы, какъ правильно построить индуктивные выводы, какъ построить индуктивные выводы, которые были бы согласны съ истиной“ (ст. 159). Надѣмся, что самый упорный читатель пойметъ, прочтя такія убѣдительныя разсужденія, въ чемъ состоитъ индуктивная логика; но для невнимательныхъ читателей неоднократно повторяется, что „въ ученіи объ индукціи, собственно, вся суть индуктивной логики“ (ст. 207). Зная манеру разсужденія г. Лейкфельда, мы нисколько не сомнѣвались, что онъ станетъ доказывать тожество индуктивной логики съ формальною и метафизическою: г. Лейкфельдъ, вѣроятно, пантеистъ, и съ высоты этой точки зрѣнія всѣ ученія и всѣ направленія ему кажутся однородными: „Мы“, говоритъ нашъ авторъ, „опредѣлили отношеніе между индуктивной логикой и логикою формальною. Въ обоихъ своихъ направленіяхъ логика преслѣдуетъ одинаковыя основныя задачи. Какъ представители формальной логики, такъ и приверженцы логики индуктивной лишь стремятся указать особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Только логика формальная обращаетъ вниманіе преимущественно на одни проявленія нашей мысли, а индуктивная — на другія.. При томъ — что характерно и откуда, новидимому, главнымъ образомъ антагонизмъ между разсматриваемыми направленіями усиливается — какъ представители одного, такъ и приверженцы другого направленія, разработавъ на самомъ дѣлѣ только извѣстный отдѣлъ или извѣстные отдѣлы логики, обыкновенно считаютъ весь предметъ этой науки исчерпаннымъ, всѣ задачи ея выполненными“ (ст. 265—266). Какое перо! Какая глубина мысли!

Въ VI-й главѣ говорится о математической логикѣ; авторъ справедливо сомнѣвается, можно-ли математическую логику назвать направленіемъ: какъ индуктивная, такъ и математическая логика не обозначаютъ собою направленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это можно сказать о формальной и метафизической. Въ математической логикѣ авторъ видитъ три направленія: одно умѣренное, которое обыкновенную логику оставляетъ не тронутой, и присовокупляетъ лишь разсужденія о сходствѣ логики и математики, другое—радикальное, которое замѣняетъ логику математикою, и, наконецъ, третье, — посредствующее. Нашъ авторъ и математическую логику признаетъ по существу тождественною съ формаль-

ной. „Мы можемъ остаться при взглядѣ, что математическая логика... не смотря на добавочныя разсужденія о томъ, будто наша наука—только одинъ изъ отдѣловъ всеобщаго ученія о формахъ или математики, по основнымъ задачамъ своимъ не отличается отъ логики обыкновенной, но своимъ основнымъ задачамъ сходна съ логикой формальной въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“ (ст. 306). Радикальное же направленіе такъ относится къ формальной логикѣ: „Подобно всѣмъ другимъ представителямъ нашей науки, эти приверженцы математическаго направленія заняты разсмотрѣніемъ особенностей нормальной мысли. Но логика не математическая стремится обозрѣть особенности мысли нормальной при всякаго рода ея проявленіяхъ. Логика математическая у тѣхъ представителей, о которыхъ у насъ теперь идетъ рѣчь, по крайней мѣрѣ, задается, повидимому, цѣлью, замѣнивъ извѣстные акты, или даже всякую работу мысли нашей вновъ придуманными операціями, узвать область своего разсмотрѣнія и разсужденія объ особенностяхъ нормальной мысли при всевозможныхъ ея проявленіяхъ цѣликомъ, или, по крайней мѣрѣ, отчасти замѣнить опредѣленіемъ особенностей мысли нормальной при операціяхъ извѣстнаго разряда,—операціяхъ, которыя сами представители математической логики придумываютъ“ (ст. 306—307).

Но поспѣшимъ къ заключенію и выводамъ, содержащимся въ VII-й главѣ. Разсмотрѣвъ еще разъ, съ утомительнымъ однообразіемъ и повтореніемъ каждой мысли по три раза, всѣ направленія, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: „Мы видимъ, что принять тѣ ограниченія основныхъ задачъ науки логики, которыя предлагаютъ послѣдователи направленія „формальнаго въ тѣсномъ смыслѣ“, нельзя. Нельзя и внести въ нашу науку добавленія, встрѣчающіяся у представителей метафизической логики. Разсматривая теорію приверженцевъ математическаго направленія, мы также оставляемъ основныя задачи обыкновенной логики, то-есть, логики, какъ таковую понимаютъ ученые и мыслители, принадлежащіе къ направленію формальному въ болѣе широкомъ значеніи этого слова, неизмѣнными. Остается у насъ взглядъ, который мы находимъ у представителей логики „формальной въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“ и индуктивной. Оба эти направленія, какъ мы видѣли, преслѣдуютъ, на самомъ дѣлѣ, одинаковыя основныя задачи“ (368). Задача же эта состоитъ—это безчисленное множество разъ повторяется—въ опредѣленіи отличія нормальной мысли отъ ненормальной.

Таково содержаніе этого труда, печатаннаго на деньги и съ раз-

рѣшенія филологическаго факультета Харьковскаго университета. Изъ приведенныхъ образчиковъ видно, что всякая критика мнѣній г. Лейкфельда въ сущности совершенно излишня. Сгладить всѣ особенности различныхъ направленій логики не представляетъ труда, но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости; само собой разумѣется, что направленія одной и той же науки имѣютъ одинъ предметъ; рѣшеніе же, предложенное нашимъ авторомъ, вовсе не есть рѣшеніе, ибо формальное направленіе въ широкомъ значеніи этого слова есть нѣчто вполне неопредѣленное и непригодное.

Еще очень недавно философскихъ книгъ въ Россіи появлялось немного, и тогда жаловались на бѣдность философской литературы; но, право, тогда лучше было, ибо немногіе появлявшіеся труды имѣли цѣнность; что же сказать про книги, подобныя сочиненію г. Лейкфельда? Да остается только посовѣтовать Харьковскому университету, сдѣлать то, что сдѣлалъ Наполеонъ III съ книгой аббата Доменека, принявшаго рисунки ребенка какого-то переселенца за письма браснокожихъ и написавшаго по этому поводу обширный и весьма ученый трактатъ.

Э. Радловъ.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга IV. Издана подъ редакціей *Н. П. Дашкевича*. Кіевъ. 1890.

Съ удовольствіемъ видимъ, что Общество Нестора лѣтописца все чаще и чаще знакомитъ ученую публику съ своею дѣятельностью; конечно, главная причина заключается въ увеличеніи его денежныхъ средствъ, ибо и прежде засѣданія его были не бѣдны хорошими сообщеніями, но они по причинѣ замедленія въ выходѣ трудовъ разсѣвались по другимъ изданіямъ. Къ сожалѣнію, и теперь не все читанное въ Обществѣ собрано въ его изданіи, это видно изъ краткихъ протоколовъ, начинающихъ собою каждый выпускъ сборника. Изъ изслѣдованій, помѣщенныхъ вслѣдъ за протоколами, въ особенности обращаетъ на себя вниманіе статья М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Черты семейнаго права Западной Россіи въ половинѣ XVI в.“, основанная главнымъ образомъ на неизданныхъ источникахъ, важнѣйшіе изъ которыхъ авторъ помѣщаетъ въ приложеніи. Въ своемъ новомъ изслѣдованіи почтенный профессоръ слѣдитъ борьбу обычая съ закономъ въ семейныхъ отношеніяхъ Западной Руси. Періодъ, имъ избранный, слѣдуетъ за первыми статутами, тѣмъ не